Две последние строки переносят нас из атмосферы анакреонтики, из поэтического мира любви и красоты, в другую жизнь, где есть торговля, откупа и где все связанное с торговыми и денежными отношениями имеет свой язык («тряхнуть карманом таровато»), свой способ выражения, свои идиомы. В этих строках, в самом способе их выражения, в фамильярности обращения со смертью, в простоте отношений с ней есть что-то от русской народной сказки, герои которой часто вступают со смертью в самые «деловые» и денежные сделки. Так, ода Анакреона вдруг заговорила русским языком, и стихотворение в целом получило иной колорит и связь с русской жизнью.

В стихотворении «Любушке» (1802) Державин все его начало совершенно русифицировал, хотя оно представляет несомненное подражание (по сюжету) одной из од Анакреона:

Не хочу я быть Протеем,
Чтобы оборотнем стать;
Невидимкой или змеем
В терем к девушкам летать.

(II, 275)

Здесь в соседстве с древнегреческим Протеем находятся и *оборотень*, и *невидимка*, и *терем* — все слова из русской сказки, а не из анакреонтической поэзии.

Один из сюжетов поэзии Анакреона Державин обработал дважды в стихотворениях «Анакреоново удовольствие» и «Мореходец» — оба 1802 г. Первое очень близко к переводу Львова. Здесь любопытна только одна замена, сделанная Державиным для издания 1808 г.

Сначала две первые строки львовского перевода Державин воспроизвел почти буквально:

Почто витиев правил
Вы учите меня?

Затем он внес одно изменение, от которого и все стихотворение приобрело иной характер:

Почто витиев правил
Мне *вьючить* бремена?

(II, 280)

Слово «вьючить» придает бытовую достоверность такому, казалось бы, отвлеченному, «умственному» занятию, как изучение правил риторики и поэтики. Но Державину этого показа-